

Пленительная гармония

В 1966 году в возрасте 16-и лет Григорий Соколов стал победителем Международного конкурса имени П.И. Чайковского. С тех пор прошло 50 лет, но никому из музыкантов в столь юном возрасте не удалось достичь такого выдающегося конкурсного успеха.

М.Дихтер, Э.Гилельс, Гриша Соколов. 1966 г.

Григорий Соколов, 2015г.

Сегодня в Кёльнской филармонии играет один из самых выдающихся пианистов современности – Григорий Соколов. Все билеты, разумеется, давно проданы. Правда, можно купить входной билет, выстояв перед началом концерта полтора – два часа. Мне повезло. Накануне позвонила приятельница и предложила билет, да ещё и с местом в самом центре зала. Я иду не спеша, наслаждаясь пряными ароматами весеннего Кёльна, в предвкушении встречи с Музыкой. У входа в филармонию толпится музыкальный люд. Кто - в ожидании партнёра, а кто - в надежде на удачу, нервно теребя в руках табличку с мольбой о лишнем билетике.

В фойе царит обычная неспешная людская диффузия. Народ перемещается между чревами гардеробов, буфетными стойками и туалетными комнатами. В центре фойе стоит очередное чудо мастеров флористики. Цветочная композиция практически никогда не повторяется. В зал впускают за 15 минут до начала концерта, и народ устремляется к своим местам. За верхними рядами амфитеатра нервно топчутся счастливые обладатели дешёвых входных билетов, напряжённо выискивая взглядом незанятые кресла. Раздаются предупреждающие звонки. Стихает суeta в зале. Гаснет, как бы нехотя, яркий свет. Лишь над сценой остаётся приглушенный свет.

Слева у водопада серебристых органых труб находится выход на сцену. После недолгого, но томительного ожидания открывается дверь и появляется сутулый человек весьма плотного телосложения с потрёпанной временем белой шевелюрой. Он напоминает огромную мягкую игрушку. Маэстро подходит к роялю и, держась за него одной рукой, торопливо кланяется, затем делает неожиданно резкий для такой комплекции поворот на 180° и кланяется вторично трибунам, находящимся в тылу сцены. Лицо – непроницаемая маска. Плотно в линейку сжатые губы. Ни улыбки, ни даже беглого взгляда в зал. Музыкант торопливо придвигает банкетку и садится к роялю.

Он пришёл в храм на встречу с Богом. Его Бог - великая Музыка. А воплощением Бога являются его апостолы – великие создатели великой Музыки. За роялем музыкант ведёт на равных разговор со Всевышним. Он исповедуется. А мы, сидящие в зале, счастливые свидетели таинства этой исповеди, заряжаемся энергией пленительных звуков, несущихся со сцены. Но для Соколова сидящие в зале как бы аннигилируются. Музыку творят трое: создатель, исполнитель и рояль. Лишь при их равноправном партнёрстве и полном взаимопонимании рождаются истинные музыкальные шедевры.

В программе первого отделения Иоганн Себастьян Бах - партита для клавира №1 и Людвиг ван Бетховен - соната № 7. Маэстро приступает к Баху решительно, но с удивительной нежностью и пиететом. Уже с первых фраз поистине космической музыки зал оказывается под сладостным гипнозом чарующего пианизма. Завораживающе изысканная полифония прелюдии и торжественная размеренность аллеманды – старинного немецкого танца мистическим образом созвучны французской куранте и чувственным переживаниям испанской сарабанды. Завершается партита галантными менуэтами и зажигательным средневековым кельтским танцем – жигой. Мы слушаем, затаив дыхание, а неземная музыка попадает прямой наводкой в наши сердца и души. При этом я почти реально вижу великого Баха в пышном парике и ярком камзоле, сидящим в глубоком кресле слева за спиной маэстро и удовлетворённо покачивающим головой в такт звучащей музыки.

Овации стихают, как только маэстро вновь садится за инструмент. Соната №7 была написана Бетховеном в 1798 году и посвящена графине Анне Маргарете фон Броун, которая длительное время была его любимой ученицей. Этот фортепианный шедевр в виртуозном исполнении выдающегося музыканта обрушил на зал магическую силу волшебной гармонии. Если в первой части автор, приглашая на увеселительную прогулку, щедро дарит нам венок прекрасных мелодий, то вторая часть пронизана трагической темой, в которой щемяще звучит траурная нота. Но уже в третьей части опять светит солнце и весело поют птицы. Автор в заключительной фазе возвращается к радостному созерцательному настроению и красочному разнообразию впечатлений. Под воздействием феерического темперамента Бетховена и отточенного мастерства Соколова публика в зале то взмывает к небу, то повержено опускается на грешную землю. И вновь мистика. В тылу сцены явственно вижу мятущуюся фигуру небрежно одетого человека с прядью волос, спадающей на крутой лоб. Это Людвиг ван Бетховен. Его обычно мрачное выражение лица озаряет счастливая улыбка. Раздаются овации, от которых дрожат, кажется, даже стены филармонии. Зажигается свет в зале. Антракт.

В антракте публика заполняет сверкающее пространство фойе. Многие распивают шампанское (сект), дамы выстраиваются в бескрайнюю нарядную очередь к туалету, в отличие от мужчин, имеющих туда относительно свободный доступ. Представители русскоязычной публики при встрече многозначительно кивают друг другу. И хотя все пришли за одним и тем же, но отдельные ревнивцы смотрят на тебя так, будто ты отнимешь часть впечатлений и эмоций, принадлежащих только им. В их взглядах легко читается нескрываемая гордость за причастность к этому событию. Ведь купив билет, они уже могут почувствовать себя немножко спонсорами.

Второе отделение начинается по накатанному сценарию. Безэмоциональный выход маэстро на сцену, два скупых поклона и очередное пылкое свидание с инструментом. В программе - произведения Франца Шуберта. Соната №14 и 6 музыкальных моментов. Романтическая музыка Шуберта в грациозном исполнении Соколова звучит за пределами изысканно. При этом музыкант разговаривает с автором, проникая в его душу и замыслы, становясь по сути их воплощением. Буквально с первых нот сонаты на нас проливается лучезарное отношение автора к жизни. В звучащих музыкальных темах я с изумлением услышал отголоски мелодий хорошо известных песен «Цыплёнок жареный» и «Эх, дубинушка, ухнем!». И даже избыточная сентиментальность финала гармонично сочетается с общей канвой сонаты, трогая сердца самых привередливых меломанов. В идеях автора и возможностях инструмента Соколов черпает свою неиссякаемую силу.

Шесть музыкальных моментов – это букет тончайших человеческих переживаний. Маэстро удаётся деликатно проникать в сокровенные тайны авторского замысла, донося до нас их чарующее воплощение. Талант исполнителя проявляется в богатстве палитры соприкосновений клавиатуры рояля и пальцев музыканта, этих тончайших сенсоров. В правом углу авансцены, сверкая от счастья стоит скромно, но изысканно одетый Франц Шуберт. Он впервые слышит свои композиции, да ещё в таком гениальном исполнении.

Авторы, произведения которых играет Соколов, его близкие друзья, или, как он сам говорит, «я их любящий друг».

Программа исчерпана. Гром непрекращающихся аплодисментов. На сцену выбегает униформистка в строгом синем мундире с заученной улыбкой и официальным букетом. Начинается не запланированное программой третье отделение концерта. Всё идёт по привычной схеме - овации после каждого номера, уход со сцены и очередной возврат к инструменту. Он бы и не отходил от рояля, но нужно же дать залу прийти в себя. И вновь выход на сцену, одна рука за спиной, поклоны вперёд и назад, пауза – поклон только вперёд и к... роялю. Очередной шедевр и так 5 -7 раз.

Несколько человек после завершения программы торопятся к выходу. Они либо впервые на концерте Соколова и не знают, что маэстро играет ещё практически целое отделение на бис, либо живут не в Кёльне и должны успеть на поезд.

Зал неистовствует, в восторге выклянчивая «ещё и ещё». Ладони отбиты. Маэстро устал кланяться. Концерт окончен. Вспыхивает яркий свет и публика со счастливыми улыбками вынужденно покидает зал. В жизни всё имеет своё начало и своё завершение. Утешает лишь то, что какими бы огорчительными ни были расставания, но они всё же являются и предвестниками новых встреч. А в мире ещё так много прекрасного.

На улице выплеснувшуюся из филармонии волну встречает нежно улыбающийся коробейник – продавец призывно пахнущих традиционных свежих брецелей – крендельков, обсыпанных грубой солью поверх глянцевого, словно лакированной, коричневой корочки. Я прохожу мимо, переполненный великой Музыкой, и, практически не приходя в сознание, иду к трамвайной остановке...

Кёльн, 2015 год.